

Борис Пузын

Р А С С К А З Й О Х У Д О Ж Н И К А Х

СТОРОЖ СЕРГЕЕВ.

- Сергей Петрович, простите уж Вы меня ради бога... - .
будет привычно бубнить запыхавшийся Сергеев - уж Вы прости-
те меня как-нибудь, уж
- мне-то что, парень - ответит смецник - тока ведь если
чево выйдет, Петров тебя посадит, не меня
- уж Вы простили меня пожалуйста
- мне-то что - твое дело, хоть воне не приходи, тока вот
уже 15 минут, как твоя смена началась, а я мог бы и уйти,
мне-то что .
- уж и не знаю, как благодарить Вас... .
- мне-то что. Вон, расписывайся давай. Бери ружье, вешай
там его на крюк или чё, уж не знаю. Стекло чтоб битое уб-
рал. Давай, расписывайся. Да я пошел.
- До свидания - спровадит его Сергеев - до свидания, Сергей
Петрович.

Ну вот и все. С зеленою лампой так хорошо, куря,
их ждать. Впрочем, что их ждать. Они и так придут. Уж
они-то придут. Придут уж. Уж они придут. В мрачном
ожидании их неминуемого прихода Сергеев раскроет боль-
шой свой портфель, раскрывши, будет рыться там и, по-
хабно ругаясь, выволакивать на стол-мятую кучу своих
вещей, то бишь ненапечатанных, непосланных или уже
обратно отосланных рассказов за подпись "Сергеев",
чтобы, взлопатив все это добро злою ладонью, выбрать,
что сгодится на сегодняшнюю ночь. Тут в дверь посту-
чат. "Однако рано же вы, свиньи, идете!" Но это ока-
жется Сергей Петрович. "Фу, папирсы забыл. Чево бу-
маги столько?" - "Макулатуру собираю" - "Папирсы за-
был.. Дома-то нет никого. Дать тебе?" - "Да уж, да уж"
- "Надо же, папирсы забыл. Ты бумаги-то свои убери,
а то ночью пожар устронте, знаем мы вас." - "Ага, суб-
бота" - "покёдова". Сергееву, однако, покажется, что

сейчас ему будет писаться. И в самом деле:
ты шел по улице и по лицу у тебя было видно, что ты обо
всем этом думаешь

Однако, подумает он, ведь это уже законченный рассказ.
И ну кто такое возьмет? Так нельзя, в конце-концов.
В концов конце. Впрочем, чего уж там. Все равно не
успеть — сейчас они придут, и им налевать, что он —
так живет, и что они так живут, и наверное, после ян-
того стакана ему опять покажется, что он согласен с
ними. Однако и спустя минуту они все еще не придут, и
может быть это шанс, и в конце концов они никогда не
понимали, что все что он писал и пишет и будет писать
и что они писали и пишут и будут писать и писали что
пишут и будут писать — про нее и спустя еще минуту они
так-таки и не пришли и:

ты шла по улице, и по лицу у тебя было видно, что...

В дверь постучали. "Ну вот" Однако это оказался Петров.
Хмель бродил в нем. "Вот, некуда пойти" — "заходите,
чего там" — "Вот дела-то — домой не пускает. Вот я и —
пришел. Дай, думаю... ничего?" — некуда пойти". — "Спи-
те" — давно уже сон бродил в нем. "Некуда пойти.
Домой не пускает, вот ядриттвою. Вот — . Дай, думаю.
"Сон бродил в нем." Вот некуда пойти. Ничего? Эх,
вот" — "Спите, чего там" — и теперь уже храп бродил
в нем.

ты шла по улице, и по лицу у тебя ...

В конце концов. Может быть хватит. Сердить меня. Меня
сердить. Сердить. Сердить меня. Меня. В конце концов.
Уже шаги слышны за дверью. Петров шумит, как вибро-
фон. Может быть, хватит? Огорчать меня. Настаивать
на мне. Приканчивать меня. Меня, и дверь уже скрипит.

ты шла по улице , и по лицу у тебя
в конце-концов. Какой теплый ветер. И мокрый наст. И
будет ласковый дождь. И ружье на крюке выстрелит в
Петрова. И затем, зачем и он, придет Сергей Петрович.
А они так и не придут. И теплый ветер. Будет листать

листы. Наступая на наст, простираешь ты. И придет ми-
лиционер, чтобы арестовать всех. И в пустую сторожку
придут они. Наступая на наст. И будет март

ты шла по улице и по лицу у тебя.

И Сергеев так-таки и не проснется. А они наконец уй-
дут. А я наконец усну. Под столом ему будет хорошо

ты шла по улице
и по лицу у тебя
и по лицу у тебя.

INSTANT KARMA

Мне приснится что-то легкое, но я не смогу вспомнить, что.
И чтобы я не смог задуматься над тем, стоит ли начинаться
этому дню, меня разбудят и подадут бодрящий чай.

И чтобы я не усомнился в том, что тоже хочу курить, мне
подадут экономно догорящую спичку.

И чтобы я подумал, что я не такое уж дерьмо, хотя иду и
смотрю в сторону, со мной поздороваются и спросят, как дела.
И чтобы не ломать мои сны, кругом не будут шуметь.
И чтобы я жил, солнце не перестанет светить.

И чтобы поставить меня на место, по телефону будут звать.

И чтобы удивить меня, снег станет идти вверх.

И чтобы я вновь никого не поблагодарил, меня вновь попридер-
жат в шаге под колеса нервно-гудящего автобуса.

И чтобы вернуть меня к лиризму, снег пойдет так как и дол-
жен идти.

И чтобы я опять не усомнился в собственной гениальности, -
две машины на мосту будут удаляться синхронно, так что ту-
манская кабина второй из них, преломляя свет заднего огня
едущей впереди, будет казаться розовым фонарем.

И чтобы я не очень расстроился, у меня хватит денег на сигареты.

И чтобы я не сказал того, что собирался сказать, мне во время намекнут, что пора убираться вон.

И чтобы я поверил в то, что это действительно так, этот дом не взорвется и ничего не произойдет.

И чтобы, посыпая всем встречным высоколобое и печальное приветствие, я не умер от того, что это — стихи, меня случайно вспомнит та, кого я давно забыл.

И чтобы я не проспал свою станцию, ко мне легко прикоснется какой-нибудь шапочный знакомый, и я так и не узнаю — какой.

ДАО

Он довольно долго уклонялся, но в конце концов пришли и к нему. Проводы были довольно короткими, и он пообещал еще вернуться и он почему-то был в этом уверен. И ему удалось сбежать

... в тот же день, просто шагнув в сторону, когда их вели по людной улице, и хотя он не очень разбирался в законах, ему

... все же было ясно, что это лучше, чем потом дезиртировать. И прошатавшись весь вечер по городу, он заходил в таверны и пивные, ну а ночевать домой, разумеется, не пошел, и не пошел ни к кому из друзей, и ночью ему удалось пролезть на какую-то шхуну, идущую в соседнее герцогство. И оказалось, что он довольно неплохо переносит качку и может некоторое время обходиться без еды, и может проспать две суток, которые они простояли в том порту, и не заметить, что теперь они уже плывут обратно, и когда показались знакомые берега и ~~как~~ к борту стала приближаться лодка со знакомыми чиновниками, он убедился в том, что может проплыть двести метров до берега, обхватив пустую пятиведерную бутыль

, коньк из которой он предварительно вылил в море и частично в свой желудок . И после долгого бреждения по окраинам , пустырям и гнилью дубравам он вышел к месту , где был вуманный бор , и мутная река , и маленькая деревня . И добрая женщина из маленькой деревни приютила его . И крики птиц по утрам наводили его на странные мысли . И на четвертый день в деревню пришел странный человек , в котором легко было узнать его уклоняющегося иллюстратора , принесшего новость о том , что все его книги изъяты у торговцев . И что привезены уже все , кого только можно было привезти . И на следующий день в деревню пришли уже совсем не странные люди . И в связи с этим добрая женщина некоторое время смотрела им вслед . И собаки сбились со следа , потому что они натерли подошвы чесноком . И новый noctleg их был уже высоко в горах , на альпийском лугу . И среди эдельвейсов и алмазных мух они говорили о том , что в случае поимки их отправят на каторгу , или , может быть , все равно отправят служить , и что в любом случае они опять убегут . И назавтра они решили разойтись , потому что иллюстратор захотел попытаться уйти за границу , а он собрался пожить еще некоторое время здесь . И вдали он видел море и караван судов из соседнего герцогства , означавший , что оно еще не вышло из коалиции . И о , как я завидую ему . И пошли мне силы продержаться последние несколько месяцев , ведь именно таков срок окончания двойной жизни , которую я веду . И пошли мне силы не назначать нового срока . И избавь меня от мобилизации на срочную службу .

КИНО 2

Я уже говорил , возможно , что один из самых лучших фильмов в жизни увидел не в своем мозгу , а просто так . Я тогда , помнится , пришел домой и увидел , что к матери приехала моя тетка , то есть ее сестра , лет на десять моложе ее . Как обычно хмуро поздоровавшись , я прошел в свой угол , сел на пол и одел наушники . Я сидел на полу , слушал пьесы Вивальди в органной транскрипции Баха и смотрел на этих двух немолодых уже , в сущности , женщин . Они , естественно , никакой музыки не слышали , т . к . она была только в моих ушах . Я ,

естественно, не слышал их разговора, т.к. мои уши принадлежали музыке. Глаза же мои следили за их разговором, воспринимая его не как поток слов, а как шевеление губ, сопровождаемое действом, по ходу которого одна из них, куря и медленно приподнимая веки и брови, жестикулировала рукой, относящей от рта сигарету, другая же, сидя в кресле и поддерживая рукой подбородок, жестикулировала своим лицом и ногой, которая печально и плавно покачивалась. Первая из них сидела в профиль, а вторая в фас, а музыка, которой они не слышали, но зато слышал я, была третьим измерением их беседы, и все это я смотрел не как вечерние посиделки в моем доме, а как невероятно чудесный и изумительно-свежий фильм, на который мне совершенно незаслуженно посчастливилось попасть. Я смотрел во все глаза и чуть не расплакался от радости и удивления. Можно, конечно, сказать, что люди всегда поступают правдивее, чем говорят, и что поэтому-де, сняв эту беззвучную беседу на свою внутристенную кинокамеру, я прикоснулся к какой-то изначальной правдивости людей и вообще жизни. Это было бы действительно так, если бы этот фильм состоял только из немого подтекста их разговора и не состоял также из музыки Вивальди в обработке Баха. Однако эта музыка в фильме была и, акцентируясь легкими органными рецитативами, вставляла этот разговор в рамку печальной и легкой притчи, давала этой подсознательной правдивой беседе немного ясной и печальной неправды, вернее, выдуманности, которую кто-нибудь из моих друзей, возможно, назовет духовностью. А в этот раз приехала другая тетка, жизнерадостная и оптимистичная, не разделявшая моей прусти по поводу того, что ее дочка поступает в московский, а не в петербургский университет. И ночью, тихо вставая с кровати и стараясь не скрипеть, чтобы не спугнуть ее, я обнаружил, что она не спит и что ей интересно, куда это я иду с кистью и бутылью разбавителя. "Тсс, — сказал я, — я иду писать сценарий." И я, разумеется, солгал, потому что на самом деле отправлялся писать этот рассказ и надеялся попутно нарисовать что-нибудь на двери или стене. И я, разумеется, понял, что она подумала о содержимом бутыли в моей руке. И мне, разумеется, наплевать на это. И я молю бога, чтобы он послал

мне не слишком мало людей, способных приехать к черту на кулички, где они были один раз и где их давно забыли, чтобы спросить, как называется книга, которую им тогда там показали, и кто ее написал.

1984 г.